

55/18776
2-я Отечественная война 1914—1915 г.

РАЗСКАЗЫ.

изъ австро-русской и герман-
ской войны.

- 1) Разбитіе германцевъ подь
Праснышемъ.
- 2) Драма въ Крещенскую ночь.

Составиль Н. И. Красовскіи.

Издание А. А. Стрѣльцова.

Типографія А. А. Стрѣльцова, Чистые Пруды, д. № 13.
Москва—1915

В. В. УТЕЧЕНСКИЙ

РАЗСКАЗЫ

НАР. ВОСТОЧНО-ВУСКОМ И ТЕРМАН

СКОМ ВОИНЫ

- 1) Разбитие терманцев под
- Праснышием.
- 2) Драма в Крестенскую ночь.

Всего страниц 112

Издательство "Литературный фонд"

Ленинград, 1912

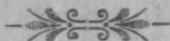
58

18776

2-я Отечественная война 1914—1915 г.

РАЗСКАЗЫ.

изъ австро-русской и герман-
ской войны

- 1) Разбитіе германцевъ подь
Праснышемъ.
- 2) Драма въ Крещенскую Ночь.

Составиль Н. И. Красовскій.

Издание А. А. Стрѣльцова.

Типо-Литографія А. А. Стрѣльцова, Чистые пруды. 13.
МОСКВА.—1915.

2-я Отечественная война 1812—1813 г.

РАССКАЗЫ

НАД ВЕСТО-ДУСКОМ И ТЕРМАН-
СКОЙ ВОЙНЫ

1) Рассказ о том, как
Павел Иванович

2) Рассказ о том, как
Павел Иванович

Издатель А. А. Степанов

Москва, 1913 г.

Разбитіе Германцевъ подъ Праснышемъ.

Было холодное сырое утро. Рѣзкій, порывистый вѣтеръ рѣжетъ лицо.

На боевомъ фронтѣ полное затишье. Смолкли орудія, смолкла ружейная стрѣльба.

Пользуясь наступившей тишиной поздней ночью наши казаки пошли въ засаду.

Утромъ уже они увидали на опушкѣ лѣса на полѣ валявшіеся колеса, зарядные ящики, стаканы отъ шрапнелей и трупы лошадей, все это показывало, что здѣсь происходилъ жесточенный бой.

Вдали показались наши пѣхотные и конные полки, одно мгновение—и раздался сильный грохотъ и выстрѣлъ изъ ору-

дя, встрепенувши казаковъ.

Съ противоположной германской стороны посыпались орудійныя залпы изъ тяжелыхъ орудій.

— Сильный будетъ бой!—кто-то крикнулъ изъ рядовъ солдатъ, но въ это время раздался взрывъ гранаты и заглушилъ сказанное.

Раздалась команда полковника: „на коней!“ и казаки подбѣжали къ своимъ конямъ.

Надъ лѣсомъ, ныряя въ воздухъ, проносится стая галокъ. Надъ ними крутятся въ синевѣ неба два аэроплана.

— Сейчасъ будутъ бросать въ насъ бомбы,—говорить смѣясь, сѣдоусый полковникъ, указывая на аэропланы.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, саженьяхъ въ пятидесяти что то грохнуло въ полѣ, и густой черный дымъ взметнулся къверху.

— Безполезное занятіе, зря портить бомбы. Развѣ только случайно можетъ попасть,—на тысячу одинъ разъ.

Съ одного изъ развѣздовъ дсбираемса до нашей артиллериской позици.

— Вотъ и позици батареи,—говоритъ сопровождающій насъ офицеръ.

Кругомъ ровное мѣсто: ни людей ни орудии.

Только подойдя ближе и всмотрѣвшись, замѣчаешъ торчащя дула орудий: людиже сидятъ подъ землей.

Разспрашиваемъ, почему не открыли огня и не угостили по прусскому аэроплану шрапнелью.

— Сегодня, съ раннего утра, эти два хищника выслѣживаютъ насъ, но все безуспѣшно,—разсказываетъ артиллеристъ офицеръ Макаровъ.— Прибѣгли даже къ хитрости. Надъ ихъ позициями появился баллонъ—каптивъ, по формѣ напоминающій лапотъ, якобы, для корректированя артиллериской стрѣльбы.

Разсчетъ ихъ, однако, не оправдался.

Они надѣялись, что мы сткроемъ по нему огонь, а аэропланы, налетѣвъ сзади, обнаружатъ нашу позицию.

Такъ и играемъ цѣлый день въ жмурки: какъ только аэропланы улетятъ; и мы внѣ ихъ поля зрѣнія, начинаемъ поливать ихъ снарядами; какъ только появляются,—замолкаемъ.

Наконецъ, насталь и нашъ чередъ.

Угостили такими трелями что сразу, смолкли.

— Дождались,—сорвалось у кого-то.

Надъ нашими головами съ оглушительнымъ визгомъ пролетали снаряды и гдѣ-то замирали въ неуловимой для слуха дали.

Въ полуверстѣ отъ станціи начался обстрѣлъ линіи, очевидно, по указанію аэроплана.

И намъ было уже не до смѣха, всѣ стали суровы и только у казаковъ шевелило волосы вѣтромъ. Командиры сотень были на своихъ мѣстахъ. Передовая шеренга взяла по плечу плавно наперевѣсъ пики.

— Полкъ сотнями! Правое плечо

впередъ!—прокричалъ командиръ.

Засверкали на лучахъ солнца винтовки, замахали добрыми головами чистокровные донскіе лошади, помахивая гривами и фыркая, и сотни одна за другой пошли обратно къ опушкѣ лѣса. У окраины лѣса сняли дозоръ и растянулись во всю ширину фронта, застывши въ нѣмомъ ожидании и глядя между березами на картину страшнаго боя.

Разрывъ картечи, жужжанье снарядовъ и свистъ гемоническій пуль, какъ шмелей, приводило въ необычайное положеніе.

Слѣва стояла—небольшая, полуразрушенная деревня. У многихъ домовъ сорвало крыши, вырвало кусками стѣны. На улицахъ брошенныя разбитыя повозки, какіе-то ящики и тутъ-же двѣ лошади: у одной оторванъ весь задъ, у другой разворотило бокъ.

У дремучаго лѣса уже уходили куда-то наши герои—стрѣлки, на ходу подбиравшіе своихъ раненыхъ товарищей—солдатовъ, а впередъ наступали германскія колонны съ винтовками—ножами вмѣсто штыка.

Какъ вдругъ карьеромъ вылетѣлъ полкъ нашихъ драгунъ съ поднятыми острыми шашками и врубился въ германскую колонну.

Вопль, крикъ и стонъ поднялся въ рядахъ германцевъ и слышался лязгъ отъ сабельныхъ ударовъ. Ряды германцевъ замѣтно стали рѣдѣть и они отошли подъ защиту окоповъ.

И вдругъ затрещали по нашимъ драгунамъ пулеметы; усталыя, разстроенныя, сбитыя кони и драгуны увидѣли летящихъ на нашихъ германскихъ гусаръ смерти.

Точно, какъ-бы волна накатилась на нашихъ въ своихъ голубыхъ мундирахъ и блестящихъ каскахъ на хорошихъ лошадяхъ. Екнуло сердечко у нашихъ казачковъ при видѣ блестящихъ германскихъ гусаръ, ихъ численнаго превосходства, да еще золотыя каски, блестящія на солнцѣ, загорѣлись и у нихъ глаза огнемъ радости и възграла душа, и пики, какъ лѣсъ, склонились стальною щетиной.

Сѣдоусый лихой полковникъ взмахнулъ

кривой своей саблей и весь полкъ застоялся какъ одинъ отъ нетерпѣнья, ожидая приказа кинуться въ битву.

— Гайда! ги-ги-ги!—понеслось по опушкѣ дремучаго великана лѣса.

Ги-ги!—раздалось могуче эхо сыновъ вольнаго, тихаго Дона и раскатилось оно по рядамъ германскихъ гусарь.

Дрожить и стонетъ матушка мать сыра-земля, отъ бушующей военной стихии. А ярко-блестящія каски дождемъ катятся съ головъ германцевъ на землю снесенныя вѣрными саблями. Вотъ и вторая шеренга съчетъ и рубить голубья мундиры съ тыла и фланга и съ обоихъ боковъ блестящую конницу нѣмцевъ.

Въ самую средину глубже всѣхъ съ калмыцкимъ лицомъ врѣзался Иванъ Козловъ волкомъ кружится въ стаѣ псовъ, забывъ про шашку, лупитъ налево и направо казацкой плеткой, порвавъ ею много солдатскихъ мундировъ и спинъ. И тутъ-же поспѣвалъ за нимъ эсауль Петръ Петраковъ, рубя гусарь, какъ капусту, въ капусту въ казацкій борщъ, своей черкеской шашкой, прокла-

дывая дорогу къ германскому штандарту.

Близко отъ насъ усачь-полковникъ, окруженный десяткомъ лихихъ казаковъ расправлялъ свои могучія руки, рубя безъ пощады, разрубивъ щеку еще одному гусару, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ и положивъ ихъ поперекъ сѣдель, поѣхали къ мѣсту своей стоянки.

Бой продолжался почти весь день, пока наконецъ, удалось выбить и прогнать, германцевъ потерпѣвшихъ крупныя потери...

Въ яркій, солнечный день, полужимній, полувесенній, когда на улицахъ и на крышахъ лежитъ снѣгъ, и когда слегка морозить въ тѣни, и таетъ на солнцѣ.

На улицѣ города мнѣ попались три дѣвушки, типичныя бѣлокурныя нѣмки, которыя, взявши за руки, шли по большой улицѣ. Лица ихъ были веселы и беззаботны... Онѣ проходили среди улицы, по которой на салазкахъ скатывалась внизъ по уклону, точно съ горы,

цѣлая гурьба ребятишекъ.

Здѣсь уже было совсѣмъ весело...

Тугъ-же проходили наши солдаты, и двигались подводы.

Два старика ковыляли по тротуару.

Вся эта колонія нѣмцевъ, застигнутая нами въ городѣ врасплохъ, осталась безъ всякаго провiantа и безъ малѣйшей возможности раздобыть его. И наши солдаты изъ особенныхъ пайковъ снабжали ихъ пищей, дѣлили съ ребятишками шоколадомъ и сахаромъ.

И вскорѣ напуганное население установило самыя лучшя и признательныя отношенія къ своимъ великодушнымъ побѣдителямъ.

Стало довольно темно. Поле такъ и осталось неубраннымъ отъ убитыхъ и раненыхъ.

Вокругъ мертвая тишина. Вотъ между убитыми очнулся эсауль Петраковъ-Калиниченко, оглядѣлся, а самага такъ и трясеть, кое-какъ развернулъ шинель и одѣлся; раны мучаютъ, и думаетъ онъ,

какъ далеко его родной домъ и гдѣ-то его неразлучный конь!

Ахъ, жена и дѣтки! Посмотрѣли-бы вы на меня, на какой широкой постели сейчасъ лежу я, а кругомъ меня всѣ спятъ непробуднымъ крѣпкимъ сномъ праведника.

У Прасныша въ пустынь далеко
Ручей ключевой протекалъ,
Близъ ручья подъ кустомъ одиноко
Умирающіи воинъ лежалъ.

Кровь сочилась струею богровой
Изъ прострѣленной раны въ груди,
На спасенье въ той тундрѣ суровой
Нѣтъ надежды ему впереди.

Онъ сказалъсь напряженнымъ усилемъ
Обращаясь къ пернатымъ пѣвцамъ
Наслаждайтесь свободой, весельемъ
Я-же скоро уйду къ праотцамъ.

Вы слетайте-ка вольные птицы
Въ ту сторонку, гдѣ выросъ вотъ я,
Недалеко отъ шумной столицы,
Есть родная деревня моя.

Моего тамъ увѣдомьте брата

Моего извѣстите отца,
Что сразилъ я врага супостата—
Я поддерживалъ славу бойца.

Вы скажите, тамъ матери милой,
Вы скажите женѣ молодой,
Что я жертвовалъ, жизнью силой,
Въ честь отчизны своей дорогой.

У меня отъ начальства отмѣтка,
Что со страхомъ я не былъ знакомъ,
Что враговъ я разилъ пулей мѣтко:
Еще больше кололъ ихъ штыкомъ.

Но теперь истекаю я кровью
Земной жизни покончивши пиръ,
И иду смѣло, съ вѣрой, съ любовью
Въ тотъ загробный невѣдомый миръ...

Всюду въ окрестности только вѣтеръ
голосить по павшимъ на полѣ брани
свою заунывную панихиду.

Вдругъ чувствуетъ Козловъ, какъ съ
него кто-то тащитъ шинель. Присмот-
рѣвшись, онъ увидалъ лежащаго рядомъ
съ нимъ нѣмецкаго гусара съ разрублен-
ной щекой. Прижавшись другъ къ другу
ближе, сдѣлся онъ съ нимъ одной ши-

нелю и накрывшись съ головами, говорить ему; „чай, дома-то дѣтишки есть?“ Ничего не понялъ у него нѣмецкій гусарь, а только въ отвѣтъ кивнулъ головой и только слышно было одно биеие его сердца.

— „Ишь, какъ искаверкало все лицо, посмотрѣвъ на изуродованное его лицо отъ носа и до уха, промолвилъ Иванъ Михайловичъ Козловъ, пожалѣлъ его, похлопавъ его своей рукой по плечу, какъ будто родней его никого не было на свѣтѣ у него, тотъ посмотрѣлъ на него тяжело вздохнулъ со стономъ.

— Потерпи немножко, придутъ санитары, возьмутъ и отправятъ въ госпиталь, а тамъ живо починятъ тебѣ лицо, то-то будетъ тепло, тамъ хорошо.

— Козловъ увидѣвъ человѣка, шедшаго съ зажженнымъ фонаремъ, сердце у Ивана забилося отъ радости и онъ закричалъ:

— Идите сюда, здѣсь есть живыя!

О, ужасъ! Къ нимъ шли два нѣмца.

Иванъ Козловъ такъ и застылъ и холодный потъ покрылъ его широкий лобъ.

— Создатель мой, спаси и сохрани! промолвилъ про себя Иванъ.

Приблизившись къ раненымъ, нѣмцы

увидали казака и начали кричать: Кашланъ, кашланъ!

Постоявъ около нихъ немного, они оба отошли поодаль и стали о чемъ-то тихо говорить между собой.

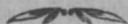
Иванъ замеръ и, накрывшись шинелью зашепталъ: Боже! Прощайте!...

Черезъ минуту вдругъ надъ ухомъ казака прогремѣли одинъ за однимъ два сухихъ выстрѣла и что-то мягкое упало прямо на Ивана.

Открывъ свою солдатскую шинель, онъ увидалъ въ рукахъ раненаго сосѣда револьверъ, а обоихъ нѣмцевъ убитыми.

— „Что-же это? Своя своихъ, не познаша—промолвилъ Козловъ и, съ молчаливой благодарностью взглянувъ на своего врага, который спасъ ему жизнь, горько заплакалъ. Черезъ нѣсколько время ихъ обоихъ подобрали наши санитары полевого лазарета, сдѣлали перевязку, положили обоихъ въ фургонъ и отправили чиниться, какъ сказалъ Козловъ, въ одинъ изъ лазаретовъ.

Прогуливаясь такимъ образомъ по доставшемуся намъ городу я попалъ въ предмѣстье, гдѣ нашелъ рядъ могилъ нѣмецкихъ солдатъ.

Драма въ крещенскую ночь.

(Военный рассказъ).

„Разъ въ крещенскій вечерокъ
„Дѣвушки гадали,
„За ворота башмачекъ
„Снявъ съ ноги бросали“...

А мы, молодежь военная, сидя дома у камелька и мирно пропуская по чашкѣ чаю, окружили нашего общаго любимца, говоруна, симпатичнаго изъ всѣхъ убитыхъ на войнѣ капитана-артиллериста, Николая Сергѣевича Маюрова.

Средняго роста, широкоплечи, съ бородою-лопатою, доходивши ему до половины груди, съ румянымъ крайне добродушнымъ лицомъ, вьющимися волосами и чисто русскимъ картофельнымъ-носомъ, Николай Сергѣевичъ производилъ на всѣхъ насъ молодыхъ, неотразимое впечатлѣние.

Въ особенности мы любили его рассказы.

126592

Не проходило свободного вечера, какъ мы собирались всѣ вкупѣ или у него на квартирѣ за неприхотливой закуской, или у кого нибудь изъ насъ и Николай Сергѣевичъ начиналъ намъ свои безхитростныя повѣствованія изъ его обильной приключеніями военной жизни.

А рассказывать капитанъ былъ мастеръ.

И такъ мы, молодежь окружили его...

А въ этотъ разъ компания была у меня.

— Да ну-же, Николай Сергѣевичъ. что-же вы хотѣли намъ рассказать про вашего несчастнаго сумашедшаго?, въ десятый разъ допытывался я у капитана обѣщавшаго намъ какой то ужасный рассказъ.

Капитанъ выпилъ чашку чаю съ коньякомъ, крякнулъ и словно нахмурился.

— Ахъ, Николай Ивановичъ, обратился онъ ко мнѣ, вѣрите-ли, я ужъ жалѣю, что обѣщаль вамъ друзья рассказать про это несчастье, тѣмъ болѣе въ эти веселыя святки вѣрите я охотно бы взялъ свое обѣщаніе назадъ...

И капитанъ задымилъ папирисой.

Такое прелюдіе насъ, обычныхъ слушателей капитана, только подзадорило, только раздражило и мы уже всѣмъ хо-

ромъ пристали къ Николаю Сергѣвичу.

Тотъ разгладилъ свою широкую бороду, обвелъ насъ добродушнымъ но какъ мнѣ показалось, глубоко печальнымъ взоромъ, пыхнулъ еще разъ другой папиросой и началъ.

— Скверная, братцы, это была исторія. Не хотѣлось-бы поминать... ну да куда ни шло... Завтра у насъ Крещенье—6-е число, а это случилось какъ разъ въ полночь подъ сегодня...

Мы всѣ затаили дыхание.

Всѣ приготовили уши...

— Видите-ли, друзья не особенно давно это было...

— Мы стояли въ это время въ Польшѣ...

Не помню теперь хорошенько, наша батарея помѣщалась въ жидовскомъ городишкѣ, кажется Слуцкѣ...

Я въ это время разумѣется еще былъ взводнымъ...

Мы помѣщались просто на просто въ жидовской карчмѣ.

Мой сожитель былъ только что выпущенный молоденький подпоручикъ.

Звали его Андрей Андреевичъ Князевъ,

Что это былъ за добрый, душевный молодой человекъ я и сказать вамъ, гсс-

пода, не могу.

Любилъ я его какъ родного меньшаго брата.

Онъ, Андрюша, отвѣчалъ мнѣ, я знаю, тѣмъ-же...

Только, надобно вамъ, братцы, сказать у нашего хозяина, корчмаря, жида Янкеля была дочка...

Капитанъ на минуту замолкъ, словно что-то припоминая, опять задымилъ и продолжалъ тяжело вздыхать.

— Бѣлкой ея звали, по нашему значить Вѣрой,—красавица такая, я вамъ скажу, что я, грѣшный человѣкъ прошелъ всю Польшу, какое тамъ Польшу—изъ конца въ конецъ всю Россю—а ей Богу такой красоты не видалъ, да видно и нѣту такой...

Средняго роста, статная, на диво сложная, бѣленькая, какъ лилия, волосы—допять, чисто воронова крыла, а глаза—глубокіе, каріе съ поволокой, рѣсницы—вотъ!—капитанъ показалъ половину своего пальца, руки—атласъ, ножка,—въ любой балетъ, а грудь... Господи Боже, было стчего и съ ума то сойти!..

У Николая Сергѣевича даже глаза заблистѣли.

Онъ выпилъ большую рюмку елисеѣв-

скаго коньяку и даже не закусилъ, не пососалъ лимона.

— Ну съ, ладно, ребятки... Сожитель мой, подпоручикъ Князевъ хотя и завывалъ батарейною школой, но грамотѣ за него солдатъ обучали фейерверкеры а онъ... сердечный, цѣлыя дни увивался за красавицей Бѣлкой...

Жидъ Янкель, себѣ на умѣ...

Какъ будто посщрялъ еще молодыхъ то людей!

Ухмылялся только, да шептался порой съ дочкой на своемъ тарабарскомъ языкѣ.

Бѣлка у насъ въ комнатѣ часто бывала, то за тѣмъ, то за другимъ зайдетъ и все нарозить когда меня дома нѣтъ.

Время шло да шло...

Подошли наши святки...

Вижу я съ моимъ сожителемъ, Князевымъ, творится что то неладное.

Разъ я и подкарауль...

Прихожу какъ-то домой поздно вечеромъ, снаружи вижу ставни закрыты въ корчмѣ, а свѣтъ сквозь щель пробивается...

Грѣшный челвѣкъ, прильнулъ я глазомъ своимъ къ этой оконной щели...

Вижу жидовка Бѣлка сидитъ у стола,

подперла дивной бѣлой рукой свою адски красивую голову, а передъ ней на колѣнахъ Князевъ; плачетъ навзрыдъ и должно быть умоляетъ о чемъ-то...

Понялъ я все... Вижу, же, дѣло не ладно, пропадетъ мой малый...

То-то, вспомнилъ я, у этой нашей жидовки красавицы, что ни мѣсяцъ, то или дорогой браслетъ на рукѣ, а пальцы всѣ унизаны золотомъ, что ни суббота—Бѣлка въ новомъ шелковомъ платьѣ...

Открылись у меня тутъ, братцы глаза.

Надо, думаю, отрезвить малаго, совѣтъ для него не подходящее дѣло...

Сглупилъ я тогда, да и хмѣленъ былъ, признаться немножко... У батареинаго здорово вечеромъ выпили..

Постучалъ я въ то время въ ставню, а глаза все не отрываю отъ щелки оконной.

Вижу, что-то тамъ у насъ въ комнатѣ зашумѣло и огонь мгновенно погасъ.

Шарахнулся я въ комнату,—заперто, я—стучать.

Наконецъ отперли.

Вхожу, разбудилъ деньщика, спрашиваю, что молъ тутъ, Демьяновъ, новаго.

Тотъ ухмыляется.

— Не могу, говорить знать ваше-

сбродіе!

Вижу скрываетъ, каналья.

Я вышелъ въ комнату, кое какъ на-шелъ спички и зажегъ свѣчку.

Гляжу—Князевъ лежитъ на кровати, обернулся къ стѣнѣ, притворился, что спитъ крѣпкимъ сномъ.

— Ладно, думаю завтра спрошу, раздѣлся и также завалился на боковую.

Николай Сергѣевичъ замолчалъ, снова свернулъ папиросу, снова опрокинулъ рюмочку коньяку и вздохнулъ тяжело.

— Ну-съ дальше? спросили мы хоромъ.

— Дальше-то что Гм!..

Настало Крещение, разбудилъ меня мой Демьяновъ деньщикъ.

Я протеръ глаза—гляжу, а на немъ лица нѣтъ.

— Вставайте скорѣе ваше-скорodie, у насъ въ батареѣ—бѣда!

— Какъ, что такое?

— Подпоручикъ Князевъ изъ четырехъ футоваго орудія застрѣлился!..

Я вскочилъ, ошалѣвъ совершенно.

— Что ты мелешь, дуракъ?!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше-скорodie, командиръ два раза присылали за вами...

Что было со мною, право не помню.

Хватилъ я полный стаканъ водки и

побѣжалъ къ батарейному.

Вотъ что случилось:

Поздно ночью, когда я уже крѣпко уснулъ, Князевъ одѣлся, что то долго писалъ, заклеивалъ въ конверты и вышелъ изъ дома.

Ночь была морозная, темная.

Онъ прямо направился къ орудіямъ, стоявшимъ на краю города.

Шагахъ въ десяти ходилъ взадъ и впередъ часовой, въ тулупъ съ саблею на плечо и поеживаясь отъ холода терпѣливо конечно дожидался смѣны.

Узнавши начальника онъ отдалъ ему честь и свободно пропустилъ въ батарею.

Князевъ подошелъ къ среднему, своему четырехъ футовому орудію, тихо снялъ чохолъ, отворилъ затворъ казенника, вдвинулъ туда ранѣе заготовленная зарядъ и гранату, ткнулъ веревку съ протворникомъ, подошелъ къ дулу, прижался грудью, натянулъ веревку и громкимъ голосомъ крикнулъ:

Эй, часовой, при смѣнѣ вотъ это письмо передай командиру!

При этомъ Князевъ далеко швырнулъ бѣлый пакетъ.

Черезъ секунду въ ночной тишинѣ грянулъ оглушительный орудійный выст-

рѣль.

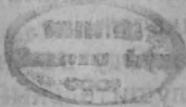
Отъ Князева конечно и слѣда не осталось...

Что у нихъ произошло съ красавицей Бѣлкой мы такъ и не узнали никто, что было потомъ мнѣ тяжело и вспоминать...

Въ оставленныхъ письмахъ несчастнаго выяснилось только, что онъ, какъ артиллеристъ, не желая далѣе жить, по извѣстной ему одному причинѣ умираетъ также по артиллериски

Николай Сергѣевичъ замолчалъ...

Мы долго молча сидѣли подавленные впечатлѣниемъ этого диковиннаго разсказа.

Выдан для работы и пользования в порядке
заключения договора

- 1) На правах собственности
- 2) На правах пожизненного наследуемого владения
- 3) На правах постоянного пользования
- 4) На правах временного пользования
- 5) На правах аренды
- 6) На правах безвозмездного пользования
- 7) На правах залога
- 8) На правах ипотеки
- 9) На правах удержания
- 10) На правах пожизненного содержания в виде рент
- 11) На правах пожизненного содержания в виде пенсии
- 12) На правах пожизненного содержания в виде пенсии и рент
- 13) На правах пожизненного содержания в виде пенсии и рент с отсрочкой
- 14) На правах пожизненного содержания в виде пенсии и рент с отсрочкой и отсрочкой
- 15) На правах пожизненного содержания в виде пенсии и рент с отсрочкой и отсрочкой

СНОВАДЪ НА ДАНИИ
МОСКВА
А. А. Оглышев
1918

12253

58

18776

**Вышли из печати и поступили в продажу
слѣдующія брошюры:**

- 1) На поляхъ кровавыхъ битвъ.
- 2) Неустрашимое геройство нашихъ казаковъ.
- 3) Смерть двухъ соперниковъ въ бою подъ Варшавой.
- 4) Битва въ воздухѣ.
- 5) Нѣмецкія осы, (три разсказа.)
- 6) Черные дни Калиша.
- 7) Разгромъ германской арміи подъ Лодзью.
- 8) Ужасы войны.
- 9) Нѣмецкія звѣрства.
- 10) Нѣмецкіе шпионы или хитрость нѣмцевъ.
- 11) Разсказы изъ Австро-Русской и германской войны.
- 12) Смертельно раненый и вѣхороны русскаго солдата.
- 13) Пѣсенникъ военный: „Шумѣль, гремѣль тотъ бой Варшавскій.
- 14) Иди въ бой за родину.
- 15) Подъ громъ пушекъ и пулеметовъ.

Много сортовъ находится въ печати.

ИЗДАНИЕ

А. А. Стрѣльцова.

Москва.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

МОСКВА,

Чистые Пруды, д. 13.

